

К 40-ЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б.Ф. ЛОМОВА

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНЫХ ОБРАЗОВ В ПСИХОЛОГИИ

© 2012 г. А. А. Гостев

Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва

На основе понятия образной сферы человека и с опорой на междисциплинарное знание задается новый уровень осмысления образного опыта во внутреннем мире личности. Рассмотрены проблемы осознаваемого/неосознаваемого, самопознания, резервных возможностей психики, онтологического статуса образов, социального восприятия и др. Вводится понятие о трансляционной функции образной сферы, ответственной за единство контакта субъекта с внешней действительностью и собственным внутренним миром. Представлены иллюстрации данной функции, в том числе на культурологическом материале, роль образов в понимании духовных смыслов, в самопознании, личностном и духовном развитии, в отражении социальной реальности.

Ключевые слова: вторичные образы, образная сфера, личность, трансляционная функция, духовные смыслы, осознание внутреннего опыта, социальное восприятие.

Современный мир в качестве главных задач психологической науки выдвигает исследование “тайн человеческой души” и ее возможностей. Это предполагает углубление изучения внутреннего мира личности и приводит к исследованию основных форм психического отражения-регуляции, в которых человеку представлены и объективная действительность, и его субъективность. Одной из таких форм выступают многочисленные образные явления – образы долговременной и кратковременной памяти, представления о мире и самом себе, воображение/фантазии, сновидения и другие. “Образные события” (явления) во внутреннем мире личности, связанные с неосознаваемым психическим и духовно-нравственной сферой человеческого бытия, представлены спектром “внутренних образов”, *переживаемых в отсутствии непосредственно воздействующего физического стимула в качестве прообраза*, т.е. образов, не привязанных к непосредственному воздействию на человека окружающей материальной среды. Обобщающим и выражающим эту идею является понятие “вторичный образ” [4–7]. Разработка данного феномена заложена представителями Ленинградской психологической школы – Б.Г. Ананьевым, Б.Ф. Ломовым и др.

ОБРАЗНАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА

В психологии вторичные образы связываются с уровнем представлений, который является пе-

реходным звеном от восприятия к высшим психическим процессам [1, 11]. Сформированный в единстве восприятия, мышления и речи образ-представление рассматривается как качественно новая ступень познания. Уникальность и универсальность роли “внутренней образности” включает ее во все области психологического знания (хотя и в отечественной, и в западной психологии образы и “изгонялись”, и “возвращались”). Изучение образов приобретает огромное значение для решения теоретических проблем психологической науки: целостного понимания психики и ее резервных возможностей, механизмов осознаваемого/неосознаваемого, соотношения чувственного и понятийного в психике, ее полифункциональности, семиотической организации мировосприятия [12], онтологии образа и др.

Познавательная и регулятивная сила “внутренней образности” понятна: образы являются самым древним языком психики, связанным с допонятийным мышлением, и в онтогенезе до овладения речью опыт ребенка “записывается” в образной форме. Образы выступают “мостиками” к хранилищу опыта, куда нет доступа понятийному познанию, с этого глубинного уровня они формируют “программы-матрицы”, участвующие в психической регуляции и влияющие на действительность.

Невозможно назвать область человеческой жизнедеятельности, где не функционировали

бы вторичные образы. Психология традиционно подчеркивала их значение в познании, труде и общении, в научном и художественном творчестве. Роль образов обобщенно определяется тем, что их содержание, произвольно и непроизвольно перемещаясь в пространстве и времени, репрезентирует в осознаваемом/неосознаваемом (включая “сверхсознательные сферы”) отсутствующий стимул-объект-прообраз в ситуации взаимодействия человека с миром – “здесь и теперь”. В то же время приходится констатировать, что, несмотря на теоретическую и практическую значимость изучения вторичных образов, на внимание к ним разных областей психологии, по-прежнему наблюдается фрагментарность и неоднозначность знания о предмете.

Для осмысления *многообразия образного опыта* мы вводим понятие о совокупности-спектре вторичных образов различных классов – **образной сфере человека** (ОСЧ или просто ОС) как важнейшем компоненте его внутреннего мира. ОСЧ описывает совокупность взаимосвязанных классов вторичных образов, и, соответственно, многообразие образного опыта человека. В ОСЧ вторичные образы представляют собой элементы, имеющие структуру, систему функций, особенности развития. Образная сфера как понятие задает представление о более высоком уровне целостности вторичных образов, включенных в психику, что позволяет рассматривать нечто общее в структуре и функционировании “внутренней образности”. ОСЧ анализируется в нескольких аспектах, таких как: 1) *классификация/систематика* образных феноменов; 2) множество вторичных образов, которые могут быть пережиты *конкретным* человеком; 3) множество форм *потенциального* образного опыта, который может быть представлен в сознании людей. В целом же ОСЧ понимается как *многомерная, многоуровневая динамическая подсистема психики, “элементы-образы” которой выполняют специфические функции в психическом отражении-регулировании относительно внешней действительности, и внутреннего мира личности в соответствии с жизненными обстоятельствами.*

В исследованиях ОСЧ необходимо изучение: 1) состава/структуры – совокупности основных классов вторичных образов и характера их взаимосвязи; 2) характеристик – общих и частных, присутствующих конкретным классам вторичных образов и ОСЧ в целом [5, 7]. Множество классов и подклассов вторичных образов может быть описано кольцевой структурой, демонстрирующей связь

образов с явлениями сознания/неосознаваемого; классы вторичных образов – в соответствии с психологическим (память, внимание) и общенаучным (пространство – время – энергия – информация) базами [2, 3]. ОСЧ представлена как система, состоящая из классов и подклассов, упорядоченных в соответствии с условными уровнями активации сознания¹ и замкнутых в “кольцевую структуру” (этим показана невозможность изъятия его элементов). Основные классы образов дают целостное представление о феноменологии образной сферы человека, предполагая его духовно-нравственные потенции. Систематика допускает свою конкретизацию по набору оснований: подклассы образов в секторах “кольца” могут быть типологизированы по параметрам “продуктивность–репродуктивность” и “произвольность–непроизвольность”, субъективная локализация и чувство реалистичности образа, факторы порождения образов, содержания образа – “реально-бытийного” и “виртуально-инобытийного”. Описание индивидуального сознания [3, 5] дает дополнительные “феноменологические кирпичики” для образного опыта в особых (измененных) состояниях сознания. И это значимо, ибо психология мало знает об образах в подобных состояниях сознания, которые важны в связи с осмыслением механизмов глубинных/надличностных субъективных реальностей. “Белым пятном”, например, являются образы, связанные с религиозно-мистическими переживаниями. Изучение латентных функций образов особых состояний сознания поможет ответить на значимый вопрос теории психического отражения-регулирования: для чего нужно потенциальное многообразие классов вторичных образов.

Раскрытие понятия ОСЧ предполагает описание характеристик вторичного образа в каждом его классе (в связи с процедурами измерения), определение дублирования и взаимодополняемости измерений “внутренней образности”, разведение общих и частных параметров, соотнесение их с сенсорной, эмоциональной и двигательной сторонами психики. Необходимы также: 1) систематизация в наборе *исходных* характеристик, описывающих конкретный класс вторичного образа, 2) определение набора *интегральных* характеристик “образности”, таких как “яркость-четкость-ясность”, “контролируемость” (аспекты мысленного оперирования образами), “подвижность” вторичных образов (скорость формирования об-

¹ Вторичные образы – единицы потока сознания, а состояния сознания детерминируют образный опыт.

разов, их смены в сознании), 3) выявление *соотношения* интегральных и парциальных характеристик [5, 8].

Исследования подтвердили сложный характер функциональной нагрузки параметров образной сферы человека, что подчеркивает значимость *дифференциально-психологического подхода* к ней, связанного с анализом вклада индивидуальных особенностей вторичных образов различного класса в обеспечение конкретных проявлений жизнедеятельности человека, а также актуальность изучения взаимной детерминации интегральной картины мира и конкретных образов. Индивидуальные особенности вторичных образов приводят к различиям в “мире образов”. Влияние конкретных образов на картину мира может быть проиллюстрировано религиозным опытом: переживания возникающих образов трансформируют представления о мире.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИ- ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБРАЗНОМУ ОПЫТУ

Трудности в изучении образной сферы человека во многом определяются отсутствием должного синтеза естественно-научного и гуманитарного оснований психологической науки, который позволил бы вывести проблему в междисциплинарный контекст. В связи с этим вызывает интерес феноменологическая “развертка” ОСЧ – формы субъективной репрезентации окружающей реальности и внутреннего мира, закономерности актуализации глубинного образного опыта, латентного для “повседневного осознания”. С позиций **феноменологически-герменевтического** подхода (ФГП) [5, 6] образный опыт человека рассматривается как “субличность-персонаж”, которую человек призван понимать; элементы этого опыта, соответственно, также объект понимания. ФГП основывается на принципах “понимающей психологии” и позволяет изучать не только *переживание и познание* человеком “образных посланий”, но и *роль феноменологии* субъективной репрезентации окружающей реальности и содержания внутреннего мира в психическом отражении-регулировании. Большое внимание уделяется *закономерностям актуализации глубинного психического опыта, сокрытого для “повседневного осознания”*, а также значению угадывания смысла образного послания, доверию человека к нему.

Переживание образов в потоке сознания выступает важнейшим фактором актуализации материала, неявного для “повседневных состояний сознания” и понимания “образного события”. Спокойствие или тревога, радость или печаль от “внутренних созерцаний” влияют на осмысление образного опыта – в переживании образа нечто может угадываться. Значимость переживания содержания образа подтверждается трудностями перевода внутреннего опыта в понятийные структуры (а порой и принципиальной невыразимостью в словах). При этом с помощью образной сферы человек способен транслировать духовные смыслы в тончайших нюансах, непередаваемых в словах. Оценивание образа происходит на основе таких значений понятия переживания, как “вчувствование”, “сложное эмоциональное ощущение” [10].

В рамках описываемого подхода феномены ОСЧ рассматриваются как элементы объективной реальности: внутренний мир человека есть одновременно выражение субъекта и отражение объекта. Человек образно-символически отражает реальность, идеально представленную в нем – *в нас присутствует всё мироздание*. О древней идее “микрокосм–макркосм” писали многие отечественные психологи, например Б.Г. Ананьев, В.А. Ганзен, С.Л. Рубинштейн, В.И. Слободчиков, В.А. Сухарев. Феноменологическая развертка ОСЧ конкретизирует это положение, ибо образный опыт может показывать результаты взаимодействия человека с миром (физическим, метафизическим) и самим собой.

То, что образ *открывается, переживается, интуитивно понимается*, сближает психологическую науку с другими областями человекознания. Отражение, в частности, духовных измерений связано с искусством, культурологией, философией, теологией. Данные области познания подтверждают, что через ОСЧ отражаются: а) духовно-нравственные смыслы и ценности философско-мировоззренческого порядка, б) неявные на уровне обыденного сознания аспекты окружающего мира природы и общества, в) метафизические реалии и пр. Так, образная сфера человека воспроизводит такие феномены, как устремленность человека к абсолютному, “надмирному” в трансперсональном опыте, прототипический алфавит группового сознания/бессознательного, религиозно-мифологический символизм культурных традиций, видения, воспринимаемые как откровения об идеальном бытии. *Изучение духовно-психологических эффектов их переживания* является актуальной задачей психологии.

ФГП предполагает анализ того, что представляет собой образ как событие внутреннего мира, как он переживается и понимается человеком в качестве *некой сущности*. Это обеспечивает рассмотрение образного явления как имеющего самоценностное бытие. *Гносеологический* и *праксеологический* аспекты онтологии ОСЧ в комментариях не нуждаются. Но вторичный образ должен анализироваться в плане *аксиологического* аспекта – переживания ценностных отношений, участвующих в регуляции жизнедеятельности человека. Вторичный образ – это “оттиск”, фиксирующий отношения субъекта [14]. *Морфологический* аспект проявляется универсальностью предметно-пространственных характеристик вторичных образов: образ является некой *сквозной* реальностью “мысленного экрана”.

ТРАНСЛЯЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ

Функция образной сферы человека, ответственная за отражение-регулирование в процессе контакта человека со своим внутренним миром, и через него – с Реальностью/мирозданием в многообразии и единстве ее измерений, получила название **трансляционной**. Трансляционная функция образной сферы (ТФОС) через образно-символический язык соединяет различные измерения внутреннего мира человека, связывает его с действительностью – с физической реальностью и метафизическим бытием. ТФОС выражает контакт человека с наиболее скрытыми областями внутреннего мира, мирозданием в единстве внешних и внутренних, реальных и идеальных его измерений, в том числе параметров окружающего мира, неявных для “повседневного состояния сознания”. Тем самым ТФОС выступает особым психологическим инструментом познания и самопознания, в частности, связанным с отражением нравственно-духовных измерений. ТФОС раскрывает полифункциональность психического образа, выступая одним из высших уровней психической саморегуляции, предполагающей развитие духовно-нравственного потенциала человека; речь идет о неких *возможностях* ОСЧ в познании мира. Неосознаваемые сферы внутреннего мира личности, выходящие за рамки индивидуального опыта человека, размыкающиеся на области трансцендентного, выражают себя именно на языке образов. Соответственно, большую роль в понимании ТФОС играют образы особых состояний сознания – потенциальных “окон” в глубинные слои внутреннего мира человека. ТФОС рассмат-

ривается в единстве с созидающей силой образа: познание мировоззренческих и высших духовных смыслов претворяется в жизни человека.

Трансляционная функция образной сферы обеспечивает “перенесение в сознание” (перевод в “пространство переживаний”) субъекта латентной информации о мире и самом себе. Термин “трансляционность” выражает идею “показа” субъекту образов на некоем “внутреннем экране” и *переживания* их содержания. Познание-трансляция и переживание его содержания в образе, естественно, не тождественны. ТФОС охватывает всю феноменологию образного опыта человека – вторичные образы различных классов определяют особенности *перенесения* материала в сознание.

ТФОС предполагает связь человека с “невидимым духовным миром”. Именно в этом плане остро ощущается сложность вопроса соединения академической науки и иных форм познания. Поскольку ТФОС несет “откровения из незримого мира” (в частности, в мистическом опыте), возникает очевидный вопрос: достаточно ли в психологии понимания природы духовности, понимания человеком метафизических действий в мире?

Осмысление феноменологии трансляционной функции образной сферы обогащает понимание роли ОСЧ в познании нравственно-духовных смыслов. Таким образом психология сближается с областями человекознания, также ориентированными на изучение нравственно-духовных измерений бытия. Психологии желательно стать более открытой для обсуждения материала, накопленного в философии, культурологии, теологии и пр., стараться активнее преодолевать узкосциентистские границы [9]. Принцип методологической дополнительности [15] позволяет считать ТФОС областью *потенциального* осмысления психологической наукой. Область же “потенциального” в науке существует всегда, поскольку этим задается “зона развития” познания.

Раскрытие трансляционной функции образной сферы предполагает вопрос об источнике религиозно-мистического опыта и отражения в нем духовного бытия. А также того, какова природа реальности, открывающейся людям, например, в религиозно-мистических переживаниях, что стоит за “духовными созерцаниями внутреннего зрения”. С опорой на мировое религиозно-философское наследие можно обозначить три варианта подхода к проблеме. Во-первых, предметом изучения выступает феноменология образа; цель выяснять природу прообраза не ставится. Во-вторых, образ понимается как выход сознания чело-

века в неизвестные академической психологии сферы бытия; источник содержания образа выступает гипотетическим онтологическим конструктом, требующим осмысления без выяснения его субстанциональной природы. И, в-третьих, прообразы переживаний допускаются в виде объективного существования “невидимого духовного мира”. Это означает, что образ при определенных условиях выступает своеобразной его “перцепцией-символом”. Но каковы критерии отграничения этих “созерцаний метафизической реальности”? Актуальным поэтому становится осмысление искажений в духовном познании (“псевдооткровений” через ОСЧ), чреватых “психо-духовно-нравственной поврежденностью”.

Для психологической науки актуально знакомство с областями феноменологии ТФОС [6]. Проявлением трансляционной функции образной сферы выступает *воображение*, рассматриваемое как “особое отражение/изображение духовного мира”. Еще в античности *phantasia* понималась как орган, которым “божественный мир” разговаривал с человеком. Воображение как выражение идеальных ценностей, восприятие идеального мира (В.П. Вышеславцев), проявляется при осмыслении философско-богословских текстов – у человека может возникнуть ассоциативный образный опыт. Иллюстрацией ТФОС выступает также опыт религиозно-мистических традиций, которые свидетельствуют об особом психологическом механизме “созерцания скрытых измерений реальности” – неявных аспектов пространственно-временного мира физической реальности, мира “иногобытийного” (например, “божественных”, “демонических” сфер). Следует вспомнить и о спонтанном визионерском опыте, и об изображениях “невидимого мира” в творчестве художников (Чюрленис, Дали); отдельной темой является иконопись; о полимодальном опыте, на примере музыки “небесных сфер” (литургическое пение, творчество Баха).

Областью феноменологии ТФОС является познание/самопознание через трансперсональный (надындивидуальный) опыт. Трансперсональная психология (как бы к ней скептически ни относилась академическая психология) через используемые психотехники и практики демонстрирует роль образного опыта не только как языка общения человека со своим многослойно-многотемным внутренним миром, но и как средства считывания информации из Реальности – как отражение физических характеристик микро- и макромира, так и метафизических измерений бытия. Образы измененных состояний сознания

отражают при этом сложную физико-био-психосоциально-духовную природу человека, связанную с потенциальными возможностями психики. Это позволяет выделять в трансляционной функции образной сферы такие аспекты, как раздвижение рамок мировосприятия, особую роль в творчестве, переживание нравственных ценностей и посмертных состояний.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДСКАЗКИ: ПРАВОСЛАВНО- ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Источником уникальной феноменологии ТФОС является православно-христианская традиция, показавшая специфику подхода к изучению когнитивных и регулятивных возможностей ОСЧ². В данной традиции могут быть выделены нюансы проблематики ОСЧ [4, 6]. Дается “изображение проблемы”, отличающееся не только от привычного в психологии (и это естественно при игнорировании ею метафизических аспектов психологии ОСЧ), но и от данных других религиозных и духовно-философских подходов. Православно-христианская традиция свидетельствует о неоднозначном проявлении ОСЧ в духовной жизни [6]. С одной стороны, “сфера божественного” может предстать в символах-образах, и через них человек способен восходить к “горнему” – переживаниям невидимого духовного мира. Выделены классы образных явлений, в которых человек получает предупреждения, разъяснение житейских, нравственных, богословских и иных проблем, советы и т.д. С другой стороны, общая установка традиции заключается в осторожном отношении к образам с их предметностью *этого* мира, и особенно к роли образной сферы человека в переживании и понимании духовных смыслов. Эта позиция выступает примером “конструктивной шепетильности” в подходе к теме. Ориентация на “чистоту ума” от образов определяется тем, что ОСЧ связана с областью страстей (“низшего Я”), в силу чего образы могут стать проводниками разрушительных для человека влияний. Красной нитью проходит мысль о том, что в представлениях о мире и о самом себе, в конкретных образах памяти и воображения, в снах и других образных феноменах отражаются грани “искаженного человека” с подавленной духовно-нравственной сферой вместе с различными влияниями на него –

² Речь идет об основной отечественной духовной традиции. Историко-психологические исследования обосновывают значимость изучения национально-культурной специфики образного отражения мира [9].

от физических до метафизических. Раскрываются когнитивные, эмоциональные искажения в развитии и религиозном опыте личности (с поведенческой неадекватностью) как следствие воздействия образов. Образы поэтому не должны сопровождать молитву. “Божественные картинки” мешают духовному развитию неадекватностью, возможностью эмоциональной экзальтации и привязки к этим состояниям. В связи с этим было введено понятие “прелести” – извращенного состояния нравственной и религиозной жизни, самообмана, при котором человек утрачивает способность адекватно воспринимать мир и себя, а свои фантазии принимает за действие божественных сил (порождаются иллюзии обладания “духовными дарованиями”, “высокой духовной жизни”). Понятие прельщения вскрывает сущность ложной духовности: самообман относительно своего совершенства (лесть себе), при котором человек свое возбужденно-приподнятое эмоциональное состояние принимает за действие благодати и мнит себя созерцателем “божественных тайн”, хотя на самом деле лишь фантазирует о высоком. Прельщение возникает во взаимодействии факторов *внутренних* (“фантазии о небесном”, ожидания “божественных состояний”, неадекватная самооценка) и *внешних* (социальное окружение, энерго-информационная среда, метафизические воздействия).

При духовном прельщении теряется способность сознавать заблуждение: образ кажется “святым”. Различение прелести, поэтому, рассматривается святыми отцами как тончайшая внутренняя работа, позволяющая отличать божественные видения от фантазий и от образов отрицательной метафизической природы. Для этого необходима нравственно-духовная чистота, без которой образное сопровождение “богоискания” является иллюзией. Поэтому “божественные видения” необходимо отличать от визионерского опыта при ложно выстроенной религиозности – душевной болезни, при которой человек входит в общение с силами зла.

Отношение святоотеческой традиции к мистическим откровениям выступает полезным знанием о полифункциональности образной сферы человека, свидетельствует об опасностях повреждений внутреннего мира личности, раскрывает искажения познания духовных смыслов. Знания о феномене прельщения необходимы при оценке духовно-психологического статуса мистического опыта, для сравнительного анализа духовного опыта в христианских конфессиях: реконструкция его инвариантов дает критерий, подтвер-

ждающий правомерность критических замечаний традиции в адрес стимуляции религиозно-молитвенной экзальтации. Различение состояния “прелести”, отношение традиции к “визионерству”, мистическим откровениям и пр. не только выступает той недостающей областью знания о ТФОС, но и свидетельствует об опасностях, затушеванных, приглушенных в других традициях.

Отражение в образном опыте человека проблемы смерти выступает отдельной темой в православной традиции. Раскрывая грани проблемы, отсутствующие в моделях, основанных на опыте клинической смерти, оккультных теориях, православие корректирует псевдонаучные изыскания переживания “загробных состояний”. Эти исследования после- и околосмертных состояний человека не используют святоотеческого предостережения о том, что образы “наслаждений от небесного”, например, могут быть иллюзией, успокаивающей совесть человека. Современные описания посмертного опыта являются как бы пребыванием “в прихожей смерти”, из которой можно вернуться.

“ПЕРСОНИФИКАЦИЯ” ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА

В рамках описываемого авторского подхода образная сфера человека рассматривается как *интегральная характеристика личности*. Трансляционная функция образной сферы позволяет понять, почему ОСЧ является признанным в психологии личности (в психологической коррекции и психотерапии) инструментом, помогающим раскрывать внутренний мир личности. Образы хранят и забытую душевную травму, и память о чем-то полезном, и поддерживающую оптимизм мечту, и мировоззренческие смыслы. Использование “внутренней образности” подсказывает корни проблем, причины конфликтов, расширяет видение мира, рождает идеи, помогает найти выход из трудных жизненных ситуаций, просматривать варианты в ситуации выбора, лучше понимать других, представляя их внутренний мир. Образы способствуют освоению содержания группового сознания. Образная сфера человека также выступает средством многоуровневой саморегуляции и самоизменения, помогающим не только осознать, но и сформировать личностные и профессиональные качества.

Раскрытие “персонификации ОСЧ” многопланово [4, 5]. В частности, оно предполагает изучение взаимосвязи личностных характеристик и по-

казателей собственно “образности”. Мы говорим, в частности, о многоуровневой трехмерно-многомерной модели “имагинативного пространства”, задаваемого соотношением *невротической погруженности* в образный опыт, *конструктивного использования* образов для решения проблем и саморегуляции, *экзотичности* образного опыта. Каждый из факторов многомерен по параметрам – личностных показателей и ОСЧ-особенностей (характеристики образов как процесса и результата).

Следующим аспектом раскрытия “персонификации ОСЧ” является осознание и понимание образного опыта при различных вариантах взаимодействия потока образов в сознании и защитных механизмов, препятствующих переводу некой информации в осознаваемый образ. В частности, значимо изучение двойственности психологических защит: их “положительно-охранительная” (от информации в данный момент не полезной человеку) и “негативно-маскирующая” (сокрытие полезного образного опыта) роль в процессах порождения, осознания и понимания образного опыта. Подлежит коррекции взгляд на уменьшение отрицательных эмоций в компромиссных и замещающих образах. Образы способны маскировать значимый для самопознания внутренний конфликт человека, поднимая общий уровень тревожности или усиливая эмоциональное напряжение посредством, например, порождения агрессии. Вопрос о содержании “бегства от жестокой действительности” в фантазии – и как невротической реакции, и как выражения нежелания участия человека в “суете сует”, в “безнравственности мира сего”, также требует решения.

Для осмысления роли образного опыта в развитии личности необходимо усиление системных представлений об его источниках. На примере сновидений были выделены взаимодействующие блоки, компоненты, уровни и подуровни анализа [5], порождающие конкретные сны и способствующие изучению механизмов порождения сновидений. Например, *отражение в сновидении физической среды* (внешней и внутренней), *многоуровневые личностная и внеличностная детерминация сновидений*, *внесенсорная детерминированность сновидений*³. Использование меж-

дисциплинарных и культурологических данных помогает этому. Так, опора на святоотеческий подход к образной сфере человека вводит ограничения на толкования снов мистического содержания.

Еще одним аспектом анализа темы “персонификации образного опыта” выступают теоретические и прикладные проблемы работы с образной сферой (имагопрактика) [4, 5]. Известно, что все психокоррекционные направления используют образный опыт (различаются особенности апелляции к нему). В психокоррекционной практике, школах личностного роста возрастает внимание к использованию силы ОСЧ для улучшения саморегуляции, углубления самопознания, изменений в жизни и т.п. Предлагается строить “образы-мостики” к неосознаваемым сферам (включая “надсознательное”), просматривать образы и корректировать их. *Но возникает вопрос: все ли так просто и безопасно для человека?*

В связи с этим необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует унифицированная система имагопрактики на основе исследования дублирования и взаимодополняемости, рамок применимости, достоинств, психодиагностической и психокоррекционной силы существующих вариантов. По нашему мнению, технология работы с образной сферой человека недостаточно осмыслена с духовно-нравственных и философско-мировоззренческих позиций. Она должна быть рассмотрена в контексте развития человека и в связи с особенностями переживания им духовных измерений бытия. Именно *усиление нравственного аспекта* использования образного опыта позволяет искать компромисс между признанными положительными моментами работы с ОСЧ (без образов невозможно отражение мира в его многообразии, невозможна жизнедеятельность людей и т.д.) и известными (хотя и менее) ее опасностями – образы могут быть бесполезны для человека; над его душой могут властвовать образы гневливые, похотливые, вводящие в уныние или в “возбужденный беспочвенный оптимизм”. Эта известная традиционной психологии двойственность “внутренней образности” хорошо видна при работе через образную сферу человека с тематикой самоуважения, самоактуализации, открытости к изменению “картины мира”, преодоления “внутреннего негатива”, понимания целей/потребностей/желаний. В связи с этим для помощи в имагопрактике – понимании образов, защиты от дезинформации и иллюзий, а также от отрицательных влияний через образы – важное

³ Речь идет о получении сновидящим информации способами, еще не осмысленными научным познанием, т. е. о гипотетическом “экстрасенсорно-телепатическом” механизме сновидений, известном из вненаучных источников, в частности, на уровне житейских наблюдений, культурологических данных, свидетельств религиозно-мистического опыта.

значение приобретает опора на “высшее Я” человека.

Необходимо отметить также принцип *единства отражательной и регулирующей* функций образной сферы человека, подчеркивающий, что образы способны материализоваться и не могут не влиять на мир – внутренний и внешний. Наполняясь материалом личного опыта и многоуровневым содержанием группового сознания, ОСЧ связана и с информационными воздействиями (планетарно-регионально-локального масштаба), и с действием на человека метафизических сил. Иными словами, регулирующая функция заложена в образе неотъемлемо, и это помогает понять образы как программы для произвольного и непроизвольного изменения существующих обстоятельств и самого себя. Эта творящая сила образной сферы человека может быть описана метафорой “магия воображения”. Но подчеркнем, что “неосознаваемое колдовство” в работе с ОСЧ может быть вовсе не метафорой, а реальным отрицательным воздействием. Поэтому необходимо дополнительное внимание психологии к феномену созидательной/программирующей силы ОСЧ, которая может быть использована в магическом воздействии на людей и действительность. Отметим, что “магия воображения” подпадает под определение чародейства, запрещенного в Ветхом и Новом Заветах.

Итак, с одной стороны, вторичные образы способны быть для человека помощью на путях глубинного самопознания, инструментом для вхождения в различные субъективно и объективно *позитивные* состояния, “возогревающие” и как-то оформляющие религиозные чувства. С другой стороны, есть ясное указание на наличие “подводных камней” в глубинном самопознании с использованием ОСЧ. Обобщенно суть предостережения можно свести к тому, что нельзя застревать в образах, придавать содержанию образов излишний проективный смысл, некритично доверять видениям и т.п. Понимание этой двойственности можно углубить при осмыслении образного оформления религиозно-мистического опыта человека.

Важной темой психологии образной сферы человека выступает рассмотрение роли образов в особых состояниях сознания. Так, в рамках трансперсональной психологии, например, утверждается, что моделирование подобных состояний играет позитивную роль в личностном развитии (человек, в частности, переживает растворение своих эго-границ, что помогает преодолевать внутреннюю раздробленность). В то же время есть то, что

требует изучения: в измененных состояниях сознания человек включен во взаимодействие с реальностями, еще не рассматриваемыми наукой, однако известными из тысячелетнего опыта религиозно-мистических традиций. В картографии “потенциального сознания” существуют пространства, попадание в которые (например, при эмоционально-катартическом отреагировании) имеет отрицательные последствия – застревание в травматичных переживаниях. Важно понимание того (хотя бы на гипотетическом уровне), что в этих сферах человек встречается с силами, способными принести вред, в частности, с силами, замаскированными под “энергию самоактуализации” или “причастности к божественному”. Поэтому необходимо, во-первых, поиск средств, обеспечивающих “нравственно-духовную безопасность”, в рамках которой человек может избежать иллюзий и искажения духовных смыслов. И, во-вторых, определение рамок в использовании образного опыта – фактора личностного роста – в зависимости от индивидуальных особенностей человека, выбранного им духовного пути, принадлежности к культурной традиции. Но в любом случае знания о феномене и закономерностях прельщения помогут осмыслить психологический и духовный статус образов особых состояний сознания.

ОБ ОБРАЗАХ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Современный человек живет в виртуальной реальности, порожденной образами, символами, изображениями знаковых структур, идущими через СМИ, кино- и видеопродукцию, рекламу, экраны компьютеров, и т.д. Эти образы “облакивают” человека, входят в его внутренний мир, актуализируются как его содержание и, в соответствии с принципом единства психического отражения и регулирования, “материализуются” в личной и общественной жизни людей. В связи с этим мы вводим понятие “имаго-символосферы” человека и общества. Поскольку в символах, образах отображен некий объект/прообраз (символизируемая сущность), за ее элементами стоит реальность (в том числе отрицательные духовные, метафизические силы), которая участвует во взаимодействии человека с миром⁴. По нашему мнению, через произвольно и непроизвольно усваиваемое людьми содержание имаго-символо-

⁴ В воздействии имаго-символосферы на человека важны особенности принятия образа/символа – произвольное-непроизвольное обращение на него внимание, преднамеренное-непреднамеренное использование.

сферы происходит манипулирование человеком. Отметим, что закономерности, положительные моменты и опасности взаимодействия с имаго-символосферой (с новой реальностью информационного мира в целом, в виде, например, новых информационных технологий), науке мало известны. Поэтому изучение механизмов тотальной визуализации жизни современного человека, осмысление психологических и духовно-нравственных последствий виртуализации его бытия⁵ представляется чрезвычайно важным для социальной психологии.

В имаго-символосфере происходит “война образов” различной семантики: способствующей духовно-нравственному развитию личности и деструктивной, рождающей негативные изменения в людях, затрудняющие проявление истинной свободы нравственного самоопределения. “Война образов”, однако, на наш взгляд, недостаточно осознается в психологической науке (как и на уровне обыденного сознания).

Актуальным, по нашему мнению, является изучение представлений людей о “глобальной перестройке” мира, т.к. сила материализации образов указывает на то, что они формируют будущее. Интересно, например, изучение представлений людей о *духовной* сущности происходящего в мире, о субъективном факторе “нового мироустройства”, в частности, о структуре наднациональной элиты, стремящейся воплотить свое видение мира как элитарной глобальной иерархии. Но манипулирование социальным восприятием маскирует идею данного мегапроекта – отказ от справедливого общечеловеческого будущего. Представления людей о глобализации недостаточно отражают вопрос о сохранении уникальности культурного разнообразия человечества, а также альтернативные формы его объединения в многополярном мире. Иллюстрацией этого может быть концепция “золотого миллиарда” – часть идеологии мондиализма (обосновывающей формирование однополярного мира “глобального государства”) с его идеями закрепления экономического неравенства в мире, контроля над ресурсами национальных государств, включая их передачу транснациональным корпорациям, и даже разработкой мер по сокращению населения планеты (достаточно указать на генно-модифицированные продукты, фармакологию, вакцинации и др.).

⁵ Речь идет о трансформации и деформации внутреннего мира личности, о чем есть уже немало данных, например, интернет-зависимость, игромания и т.п.

Важной темой является виртуализация внутреннего мира человека, а также изучение психологических эффектов образов виртуальных реальностей, максимальным выражением которых выступает иллюзорная картина мира, заменяющая образы объективной реальности. Стремление человека в виртуальность рождает подмены в духовно-нравственном познании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, изучение образной сферы человека является необходимым направлением исследования внутреннего мира человека, осмысления глубинных механизмов психического отражения и регулирования. Знание об образной сфере человека важно для решения теоретических проблем в различных областях психологии, прежде всего в общей и социальной психологии, психологии личности. Больше внимание следует уделить образному сопровождению духовно-нравственных переживаний и использованию ОСЧ в личностном развитии.

Главное направление исследований образной сферы человека видится в определении возможностей и ограничений ее трансляционной функции. ОСЧ и ее элементы – вторичные образы различных классов – можно гипотетически понимать как “окна” в неясные, невидимые аспекты Реальности – объективной, идеально представленной в человеке, и субъективной – в их взаимосвязи. Однако смотреть в эти “окна” в целях познания мира, самопознания следует очень осторожно, понимая факт искажения видения и опасностей самого “смотрения”. Вместе с тем эти “окна” существуют и при определенных условиях открываются. Главное для этого условие – достижение нравственной чистоты и духовного совершенства. В целом же необходимо ответить на вопрос: когда и почему ОСЧ перестает быть полезной для развития личности, где она становится ловушкой, генератором иллюзий? Для ответа нужны критерии, которые были бы приняты как общий момент для исследователей духовного познания (об иллюзорности в познании мира говорят многие философские и религиозные традиции). Но это – дело будущих исследований.

Говоря о перспективах в изучении образной сферы человека для академической психологии, подчеркнем, что разрабатываемый подход ориентирует на поиск дополнительных плоскостей рассмотрения внутреннего мира человека, углубления понимания сущности и функционирования психического отражения и регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М.: АПН РСФСР, 1960.
2. *Ганзен В.А., Гостев А.А.* Систематика мысленных образов / Психол. журн. 1989. Т. 10. № 2. С. 12–21.
3. *Ганзен В.А., Гостев А.А.* Системное описание индивидуального сознания // Гостев А.А. Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М.: Институт психологии РАН, 1993. С. 110–120.
4. *Гостев А.А.* Дорога из Зазеркалья: психология развития образной сферы. М.: Институт психологии РАН, 1998.
5. *Гостев А.А.* Психология вторичного образа. М.: Институт психологии РАН, 2007.
6. *Гостев А.А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Институт психологии РАН, 2008.
7. *Гостев А.А.* Психология образной сферы человека. М.: Институт психологии РАН, 1992.
8. *Гостев А.А., Петухов Б.М.* Измерение и факторизация характеристик вторичного образа / Вопр. психол. 1987. № 2. С. 134–141.
9. *Кольцова В.А.* История психологии: проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.
10. *Куликов А.В.* Психология настроения. СПб.: СПбГУ, 1997.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
12. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
13. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Институт психологии РАН, 2008.
14. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология. М.: Институт психологии РАН, 2000.
15. *Юревич А.В.* Интеграция психологии: утопия или реальность // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 503–523.

THE PROBLEM OF SECONDARY IMAGES IN PSYCHOLOGY

A. A. Gostev

*Sc.D. (psychology), leading researcher, Federal State-Financed Institution,
Institute of Psychology RAS, Moscow*

New level of understanding of imagery experience in person's inner world is specified on the basis of his/her sphere of mental images with due regard for interdisciplinary knowledge. Problems of conscious/unconscious, self-knowledge, reserve resources of psyche, ontological status of images, social perception etc. are considered. Conception of translational function of sphere of mental images, responsible for unity of subject's contact with external reality and his internal world is introduced. This function is illustrated by different examples including culturological, the role of mental images in understanding of spiritual meanings, self-knowledge, personal and spiritual development and social reality reflection.

Key words: secondary images, sphere of mental images, personality, translational function, spiritual meanings, awareness of inner experience, social perception.